

ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «ТЕСЫ»

(К 80-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ ИОНАСА МАРЦИНКЯВИЧЮСА)

С Ионасом Марцинкявичюсом я познакомился до войны в Каунасе, был однажды у него дома. Но по-настоящему я узнал его и подружился с ним во время войны, в 16-й Литовской дивизии, в которой мы оба служили.

Марш на фронт мы совершали в январе-феврале 1943 года. Стояли лютые морозы, небывалые снежные заносы. Но солдаты шли вперед, и среди них часто можно было увидеть И. Марцинкявичюса. Плотный, подвижный, в солдатской шинели и шапке-ушанке, он шагал в строю, а на привале рассказывал веселые истории — там, где был он, всегда раздавался смех. А это, пожалуй, больше всего было нужно тогда.

Как-то на привале мы оказались с ним в одной хате. Хата была нетоплена, да и дров тогда не было. Расположились мы на полу и долго не засыпали. Ионас все рассказывал разные смешные истории. Пожалуй, некоторые из них он тут же придумывал — так хотелось ему развеселить своих товарищей. И вдруг, как-то сразу изменив тон, он очень проникновенно заговорил о том, как мы приедем в Литву, какой она будет после освобождения от оккупантов. И это говорилось так убедительно, что запахло соленой Балтикой, хвойными лесами родного края. Через десятки лет, вспоминая об этом, генерал И. Жибуркус, провозвавший гражданскую и Отечественную войны, с благодарностью говорил об особом даре И. Марцинкявичюса как-то по своему приобщить людей, найти нужные для этого слова.

Ионас Марцинкявичюс был доброжелательным, заботливым товарищем. Вспоминается такой эпизод. Было это в деревне Алексеевка, где дивизия получила свое боевое крещение. Из-за снежных заносов дороги стали непроходимыми, тылы отстали, ощущалась острая нехватка боеприпасов и продовольствия. Шли мы с политотделом начальника полка Ионасом Юрвичюсом по деревне, обсуждая сложившуюся тяжелую обстановку и вопросы нашей работы. Нас остановил И. Марцинкявичюс. «Голодные, наверное, ребята и замерзали?» — не то спросил он, не то утвердительно сказал и повел к машине, которая стояла в лошине. Подняв сиденье в кабине машины, он достал завернутый в меховую безрукавку солдатский котелок и флягу. Обжигая на морозе губы, мы глотнули немного из фляги и закусили теплой еще пшенной кашей.

Незначительный эпизод, могут сказать. Но те, кто был тогда там, поймут, почему он мне так запомнился. Давно нет Ионаса Юрвичюса. Он погиб в летних боях на Курской дуге, поднимая солдат в атаку, и Ионас Марцинкявичюс, а у меня и сегодня подкатывает комок к горлу, когда вспоминаю этот наш «пир» в открытом поле под огнем противника.

У меня сохранилась фотография И. Марцинкявичюса в той же Алексеевке. Стоит он у братской могилы наших

боевых друзей, тех, кто погиб в первых боях, тех, с которыми он вместе ходил в атаку, участвовал в танковом десанте.

Фотография военного фотокорреспондента Х. Левинаса, на которой запечатлены Ионас Марцинкявичюс и Эдуардас Межелайтис, напоминает о следующих летних боях на Курской дуге. Об этих боях, о людях, участвовавших в них, немало написали оба писателя. Последнее, самое значительное произведение об этих событиях — поэма «Птицы ничейной земли» Э. Межелайтиса.

В боях под Орлом я был тяжело ранен и контужен, надоело оказаться в военных госпиталях, на операционных столах. Вернулся, когда дивизия находилась уже в Белоруссии. Запомнилось участие дивизии в Белорусской операции, бой под Витебском, Полоцком, долгожданное вступление на территорию Литвы, сердечные встречи в деревнях и городах, которые мы проходили.

Войска I Прибалтийского фронта, которым командовал генерал армии (ныне Маршал Советского Союза) И. Х. Баграмян, в состав которого входила и 16-я Литовская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора В. Карваласа, освободили Паневежис, Шяуляй и 31 июля 1944 года достигли Рижского залива. Немецкая группа армии «Север» оказалась отрезанной от Восточной Пруссии.

В течение августа 1944 года войска фронта вели тяжелые бои, отражая сильные контрудары противника, стремившегося восстановить коммуникации группы армии «Север» с Восточной Пруссией.

Нагик основных танковых сил противника был направлен вдоль дорог, ведущих от Кушненяй и Кельме на Шяуляй. Вдоль дороги от Кушненяй сражались полки 16-й Литовской дивизии. И вот в эти дни горячих боев я снова встретился с Ионасом Марцинкявичюсом.

Было это так. Позвонил начальник политотдела дивизии генерал-майор П. Мациушас и сказал: «Сейчас к вам придет спецкор «Тесы» Марцинкявичюс. Помогите ему собрать материал о героях боев. На передний край его ни в коем случае не пускайте. Не успел я положить трубку полевого телефона, как в окоп ввалилась грузная фигура Марцинкявичюса. Был он одет в военную форму, возбужден, глаза азартно горели. Мы тепло поздоровались. Он сразу стал требовать, чтобы его вели в боевые порядки, к бойцам. Я и заместитель командира по политчасти I батальона 156 полка капитан Юргис Степонайтис, который находился тут же, стали уговаривать его не делать этого, обещали помочь ему собрать весь необходимый для газеты материал. Но быстро убедились, что все наши старания напрасны.

Втроем — Марцинкявичюс, Степонайтис и я — пошли с наступающими солдатами. Среди солдат и офицеров было немало таких, кто хорошо помнил писателя по боям на Курской дуге, они приветливо с ним здоровались.

Внимательный глаз Марцин-

кявичюса сразу отличал среди солдат новобранцев, которые накануне поступили к нам из освобожденных районов Литвы. Вскоре участники этих боев прочитали репортажи и очерки Марцинкявичюса с поля боя, об их героических подвигах узнали все читатели «Тесы».

И еще одна незабываемая встреча с писателем. Было это уже после Победы, когда дивизия совершила пеший марш из Латвии в Вильнюс. В строгом строю, под звуки оркестров полки маршировали по улицам Каунаса, города нашей юности. Дома и улицы напоминали нам негальские наши явки, забастовки и демонстрации, то есть все то, чем мы жили тогда. Теперь мы шли по этим улицам не таясь, в руках было оружие, которым мы завоевали Победу, на груди — ордена и медали, которыми нас наградила Родина. Но не было с нами многих из тех, кто в июне 1941 года оставил родной город, чтобы вступить в борьбу с сильным врагом. Они остались на полях многочисленных сражений.

И вот, когда мы, взволнованные радужной встречей жителей города, подходили к тому месту, где на Лайсвес аллее выходит улица Мицкявичюса, я увидел в ликующей толпе стоявших в тени деревьев Пятраса Цирку и Ионаса Марцинкявичюса. В следующую минуту я очутился в их крепких объятиях — они силой извлекли меня из строя и повели с собой. «Победу надо настоящему отметить», — сказал Ионас. И мы отметили. Вспомнили и Алексеевку, и тех, которые там погибли.

После войны в Вильнюсе мы, бывшие воины Литовской дивизии, часто встречались с И. Марцинкявичюсом. Как и в годы войны, он помогал нам организовывать литературные вечера, встречи с писателями, деятелями культуры и науки.

Запомнился мне один вечер в дивизии. К нам приехали многие наши писатели, читали свои произведения. В большом, светлом солдатском клубе мы вспоминали другой литературный вечер, прошедший еще до нашего вступления в бой, по дороге на фронт, на родине Льва Толстого в Ясной Поляне.

Очень эмоциональным, взволнованным было выступление Марцинкявичюса. Он читал отрывки из пьесы «Ка-волонасы» (она была поставлена в Клайпедском и Шяуляйском драматических театрах). А потом он стал рассказывать о былых боях и товарищах и особенно подробно о том, как девушка из Укмерге, ставшая во время войны санитаркой, Зосе Денинайте пыталась под огнем противника спасти тяжелораненого бойца Ионаса Дауниса. Будучи сама тяжело ранена, она нашла в себе силы перевязать раны Дауниса. На этой высоте оба они погибли. Высотку смелой атаккой взяла бойцы батальона капитана Лисаускаса.

Его с волнением слушали все — и молодые солдаты, пришедшие в армию уже после войны, и ветераны. Все чувствовали, что писатель продолжает жить войной.

Таким он остался в моей памяти.

С. КАНЦЕДИКАС,
полковник в отставке